

Артур Конан Дойл

МАРАКОТОВА
БЕЗДНА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Д 62

Arthur Conan Doyle
THE MARACOT DEEP

Перевод с английского
Валерии Бернацкой, Наталии Волжиной, Павла Гелевы,
Нины Дехтеревой, Евгения Толкачева, Елены Туевой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Егора Саламашенко

Иллюстрации американских и английских художников

- © В. И. Бернацкая, Е. Б. Туева, перевод, 2006
- © Н. А. Волжина (наследники), перевод, 2025
- © П. А. Гелева, перевод, статья, комментарии, 2008
- © Н. А. Дехтерева (наследник), перевод, 2025
- © Е. Б. Туева, перевод, 2008
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-30508-3

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА АРТУРА КОНАН ДОЙЛА

Английский писатель Артур Конан Дойл, один из классиков и основателей детективного жанра, прежде всего известен читателям как автор рассказов о приключениях проницательного сыщика Шерлока Холмса, который легко распутывал самые таинственные преступления и загадочные происшествия. Но не одни приключения Шерлока Холмса составляют литературную славу Конан Дойла. Ведь он весьма известен и как автор исторических, фантастических и приключенческих романов, повестей и рассказов, как сочинитель увлекательных историй, в которых сильны элементы загадки, мистики и необъяснимо таинственного.

Но и это ещё не всё. Ничуть не меньше Конан Дойла знают и как автора научно-фантастических романов и повестей, в которых он проявил себя талантливым рассказчиком, мастером динамичного, напряжённого сюжета и популяризатором научных знаний. Врач по специальности (он окончил медицинский факультет Эдинбургского университета), Конан Дойл имел хорошую научную подготовку, путешествовал по Африке и полярным странам, восемь лет занимался медицинской практикой, был врачом полевого госпиталя во время Англо-бурской войны и военным корреспондентом в пору Суданской кампании.

Любопытно, что путь к сердцам читателей Конан Дойл нашёл без помощи издателей, которые вначале неохотно брали его рукописи и, как водится, платили автору гроши. Издатели немало удивлялись, получая от книжных магазинов всё новые и новые заказы на книги Конан Дойла. Годы упорного и терпеливого труда дали достойные плоды, и сегодня издателям и читающей публике пора уже понять, что Конан Дойл — не только мэтр детективного жанра. Считая по формуле «Конан Дойл — (минус) Шерлок Холмс», напи-

санного им хватит на то, чтобы составить несколько добротных писательских репутаций.

В жанре научной фантастики Конан Дойл выступил накануне Первой мировой войны, уже будучи прославленным автором, сложившимся мастером, создателем проницательного Шерлока Холмса, разудалого бригадира Жерара, благородного сэра Найджея Лоринга и кровожадного капитана Шарки. Им написано уже более десятка исторических и приключенческих романов, ещё более — повестей и сборников рассказов. Но даже для известного писателя подобный дебют был весьма смелым шагом, ведь в это время в литературе научную фантастику представляли такие мастера, как Жюль Верн и Герберт Уэллс, завоевавшие мировое признание. И создатель Шерлока Холмса не пошёл за своими знаменитыми предшественниками, он попробовал сказать в этом жанре *своё* слово, сумел найти свой собственный путь. Хотя писатель обратился к фантастике с некоторым опозданием, но и здесь он сделал немало: десять рассказов, шесть романов и повестей — вот итог его работы в области фантастической литературы.

Конан Дойл и Уэллс — современники, стало быть, в их литературной судьбе есть реперные точки для сравнения. Конан Дойл родился в 1859 году, Уэллс — в 1866 году. Примерно та же дистанция сохранилась между ними и в литературной деятельности: Конан Дойл выступил со своим первым произведением в 1887 году, Уэллс начал литературную карьеру лет через семь-восемь. Первой повестью Конан Дойла был «Этюд в багровых тонах» (о Шерлоке Холмсе), а через год появился его исторический роман «Майках Кларк», с которого и начинается слава автора. (К слову сказать, этот роман высоко оценили литераторы, современники писателя. Одни только лестные отзывы Оскара Уайльда чего стоят!) Первой книгой Уэллса, прошедшей поначалу незамеченной, был фантастический роман «Машина времени».

Казалось, литературные пути этих двух писателей разошлись, и чем дальше, тем больше расходились. Конан Дойл продолжал живописать приключения Шерлока Холмса. Уэллс, начав с фантастики, на время отошёл от неё, сделался политическим и бытовым писателем и всё-таки опять и опять возвращался к ней, пытаясь в этом жанре решать мучившие его проблемы, тревоги и заботы.

И вот в 1912 году Конан Дойл немало изумил своих читателей и поклонников, выпустив в свет очередную книгу — «Затерянный мир» — в совершенно необычном для него жанре. Так обнаружи-

лась ещё одна сторона таланта уже известного всем автора — его прекрасная способность популяризировать завоевания современной науки, передавать их широким кругам читателей в увлекательном изложении, в напряжённом сюжетном рассказе, полном движения, борьбы людей между собой и со стихиями природы. С новой силой сказались и опыт талантливого рассказчика, и научная подготовка.

Книга имела шумный успех. Позволим себе пространную цитату, дабы не делать никому не нужного пересказа:

«Кучка допотопных чудовищ и первобытных обезьянолюдей, каким-то чудом сохранившихся до наших дней, — об этом написано очень много фантастических произведений. Но лучшее из них, бесспорно, роман „Затерянный мир“. И дело не только в блестящей фантазии и научной добросовестности автора, а главное — в великолепно выписанных образах героев.

Образ профессора Челленджера, самодовольного и самоуверенного, презрительно относящегося к своим коллегам и в то же время очень крупного учёного, — одна из больших литературных удач Конан Дойла. Достойными его товарищами являются и учёный-педант профессор Саммерли, аристократ и искатель приключений лорд Джон Рокстон, молодой и предприимчивый репортёр Мелуун. Конан Дойл признавался, что прототипом Челленджера был профессор Эдинбургского университета Резерфорд. Прототипы остальных героев тоже были найдены писателем в окружающей его жизни. И жизненность этих образов делает необыкновенно достоверными и убедительными их приключения в джунглях Южной Америки — достоверными до такой степени, что немало путешественников после выхода в свет этой книги поднимались по Амазонке, чтобы своими глазами взглянуть на таинственный затерянный мир, в реальность которого они поверили, пленённые образами и картинами этого увлекательного романа.

Но чем же эти герои отличаются от героев „классической“ приключенческой литературы — смелых охотников, лихих капитанов, неутомимых путешественников, хитроумных сыщиков? Что роднит между собой так непохожих друг на друга Челленджера, Саммерли, Рокстона, Мелууна?

Не корысть движет ими, они не ищут дешёвой славы завоевателя, покорителя мирных народов. Им не чужда благородная гордость первооткрывателя, но подвиг они совершают ради науки. И когда, по традиции приключенческого жанра, они находят сокровище —

россыпь алмазов, то огромное богатство они не собираются использовать в своих интересах, а готовы отдать его для пользы той же науки»¹.

За «Затерянным миром» последовали фантастические романы «Открытие Рафлза Хоу», «В ядовитом поясе» (или «Отравленный пояс»), рассказы «Когда Земля вскрикнула», «Дезинтеграционная машина», роман «Земля туманная» (или «Страна туманов») и, наконец, «Маракотова бездна».

Правда, не все научно-фантастические произведения Артура Конан Дойла равноценны по их научной достоверности. Многие из них являются скорее просто фантастическими.

Научная фантастика — термин, которым можно уверенно характеризовать творчество Жюль Верна, неприменим к фантастическим произведениям Конан Дойла. Это лишь разновидность приключенческого жанра, где фантастическое допущение — не более чем литературный приём. Главное в них — те новые герои, которые и в приключенческих произведениях идут на смену старым: учёные-открыватели сменяют искателей приключений классического авантюрного жанра.

Эти тенденции и определяют характер фантастики Конан Дойла. У неё нет той научной базы, какая, скажем, типична для творчества Верна, да и по сравнению с Уэллсом научный багаж его менее весом и более ограничен. Однако и у Конан Дойла мы найдём как элемент научного предвидения, так и добросовестность научной обработки сюжета.

Как и Уэллс, он отрицал какое-либо литературное родство с Жюлем Верном, заявляя, что его никогда не интересовало ни осуществление описываемых им изобретений и открытий, ни фундаментальная обоснованность выдвигаемых им фантастических гипотез. Писателя влекла романтика самого жанра, острота сюжетных конфликтов, создание типических характеров в исключительных обстоятельствах, какие открывались ему в развитии его смелых фантастических допущений.

В фантастических романах и рассказах Конан Дойла нет ни смелых технических прогнозов, ни широких картин будущего; в них не затрагиваются жгучие социальные проблемы, которые так волновали и Жюль Верна, и Герберта Уэллса. Оживающие мумии, воздушный велосипед, уносящий труп своего изобретателя; таинст-

¹ Андреев К. Артур Конан Дойл // Конан Дойл А. Избранные научно-фантастические произведения. М.: Мол. гвардия, 1957.

венные чудовища, населяющие стратосферу и недра Земли; ядовитая зона мирового пространства, в которую попадает наша планета; потомки обитателей Атлантиды, живущие на дне океана, — во всём этом очень мало подлинной науки, это не более чем игра ума. Ведь не наука в её фантастическом развитии интересовала писателя. Зоркий наблюдатель, получивший серьёзное научное образование, Конан Дойл не мог не понимать, что в его время романтика описанных им ранее рыцарских подвигов, путешествий и морских приключений уступает место романтике современной науки, открывающей совсем рядом с нами новые, фантастические миры.

Однако, несмотря на то что рассказанное Конан Дойлом в этих произведениях очень далеко от науки, всё это в то же время занимательно, остроумно, интересно. Используя оригинальное, но порой совершенно абсурдное предположение, умело обставленное и подлинным, и псевдонаучным материалом, автор строит увлекательный сюжет — острый, напряжённый, захватывающий читателя и своей необычностью, и мастерски созданным правдоподобием происходящего, сочетанием необычайного, фантастического с самым будничным, обыкновенным. Это искусство неподражаемо умело рассказывать и привлекает читателя в произведениях Конан Дойла, которым присущи лёгкость изложения, известная доля романтичности и добродушной иронии.

Если в первом научно-фантастическом произведении писателя — романе «Затерянный мир» — фантастичны лишь предпосылки, то есть место и возможность существования в современных условиях давно вымерших на земле животных, то описания самих животных (их внешний вид, повадки и т. п.) и ландшафта далёких геологических эпох строго научны, вполне правдоподобны и соответствуют тому уровню знаний, который был достигнут наукой во времена Конан Дойла. Но в последующих научно-фантастических произведениях Конан Дойл уже не так строго придерживается научной достоверности преподнося читателю материала и обращается с наукой достаточно вольно. А в некоторых случаях он совершенно отступает от неё, сосредоточивая всё внимание на остром занимательном сюжете.

«Открытие Рафлза Хоу» — второй фантастический роман Конан Дойла. Это лирическая история гениального изобретателя и мечтателя-одиночки. Опять-таки стоит отметить, что осуществление всегдашней мечты алхимиков о превращении заурядных металлов в золото для Конан Дойла не научная проблема, а только литературный приём, позволяющий увести читателя из скучной обстановки

английской провинции в сказочный мир необычайных возможностей, которые современному человеку даёт в руки наука. Но главное в романе, по мысли автора, — моральные проблемы, неотделимые от социальных.

Конан Дойл задаётся вопросом: «А нужно ли огромное богатство одному человеку?» В великолепном доме-музее собраны сокровища всех стран, а хозяин занимает в нём всего только убогую комнатушку, вся жалкая обстановка которой — это железная кровать, табурет и самый простецкий стол. Рафлз Хоу — благородная натура, а не какой-то ничтожный жлоб, стремящийся лишь к безудержному личному обогащению и власти над миром: учёный сохранил своё открытие в тайне для того, чтобы стать благодетелем мира — помогать бедным, давать пищу голодным и работу тем, кто в ней нуждается. Но наивные мечты героя терпят крушение при первом же столкновении с реальной жизнью: одному человеку, как бы он ни был богат, не изменить социального устройства мира сего. Это-то в конце концов становится ясно и герою романа, и самому автору. Так великое открытие гибнет вместе с самим учёным.

Особняком в фантастике Конан Дойла стоит роман «Маракотова бездна», вышедший в 1928 году, за два года до смерти писателя. Это последнее беллетристическое произведение Конан Дойла. В нём наряду с вполне достоверным научным материалом (возможность спуска в глубины океана в особом аппарате — что было впервые осуществлено уже в 1930 году, — некоторые картины жизни подводного мира и другое) содержится много такого, что является только плодом богатой фантазии автора. Используя легенду об Атлантиде — материке, затонувшем в древние времена, Конан Дойл заселяет глубины океана потомками атлантов. Такая фантазия ничем не обоснована, но она даёт писателю возможность развернуть ряд необычайных приключений, переживаемых героями, попавшими в сказочный подводный город атлантов.

Здесь как будто бы всё ненаучно, на что не раз и указывали педанты: и пребывание человека на дне океана в условиях сверхвысоких давлений, и подводное государство древних атлантов, переживших геологическую катастрофу, и способы возвращения героев романа из подводного царства на поверхность Атлантики. Правда, критикам, отказывающим роману в научной достоверности, можно было бы возразить, что вопрос о существовании Атлантиды дебатруется не только в фантастике и что сама по себе легенда об Атлантиде до сих пор привлекает внимание мыслителей, исследователей и путешественников. Ведь и поныне наука официально не

опровергла легенду о жизни и гибели Атлантиды, рассказанную Платоном в его диалогах «Тимей» и «Критий». В конце концов, нашёл же Шлиман Троию, только идя по следам Гомера, так почему бы не найти и Атлантиду, ориентируясь на Платона? Мировая археология по-прежнему не единодушна в этом вопросе.

Стиль Конан Дойла внешне спокоен, деловит, рассказ изобилует обыденными подробностями, и в то же время сюжет полон напряжения, действие развивается стремительно. Строгая научность порою причудливо переплетается с безудержной, необоснованной фантастикой. Зачем, например, автору понадобилось отвергнуть научно установленный и давно проверенный факт всё возрастающего с глубиной давления воды? Да потому, что без этого были бы невозможны увлекательные приключения героев на дне океана. Обосновано ли существование на дне океана сказочного племени атлантов? Очень слабо, даже в смысле хотя бы минимальной «научнообразной» правдоподобности. Но если Уэллс в рассказе «На дне океана» допустил существование подводных двуногих, дышащих жабрами, — чудовищных карикатур на людей, — то Конан Дойл хотя столь же малообоснованно, но гораздо более красиво, увлекательно и романтично использовал древнюю легенду о затонувшей Атлантиде и народе атлантов.

Рядом с этими двумя основными научными неточностями не стоит отмечать несколько других, более мелких. Все они, вместе взятые, не могут лишить этот роман интереса, которого он заслуживает в глазах каждого любителя научно-фантастического жанра.

В романе «Маракотова бездна» лучше всего проявились характерные черты творчества Конан Дойла в области научной фантастики. Тут и предвосхищение будущей батисферы Биба, в которой лишь в 1930 году люди впервые опустились в недоступные до тех пор глубины океана, и удачные попытки нарисовать картину глубоководной морской жизни, её флоры и фауны, и нескрываемое восхищение беззаветной отвагой и мужеством учёного, увлечённого бескорыстной страстью к науке, к познанию природы. Роман писался задолго до того, как современные батискафы покорили атлантические глубины, а первое глубоководное погружение, как мы уже сказали, было совершено уже после смерти писателя. Но страницы романа, посвящённые погружению Маракота и его спутников в стальную кабину, а также описания увиденной из этой кабины подводной фауны можно смело сравнить с репортажем Дюма и Кусто в их книге «В мире безмолвия», написанной на основе личного опыта аквалангистов-подводников.

До сих пор речь у нас шла о том, что научно и что ненаучно в фантастике Конан Дойла, но, пожалуй, стоит ещё сказать особо о её художественных качествах — о сильных, жизнелюбивых, житейски достоверных характерах, о романтической приподнятости повествования и остроте сюжетных ситуаций. И здесь, наверное, следует отметить, что современник Уэллса, Конан Дойл, уступая во многом своему соратнику на попроще научной фантастики, превзошёл его в одном. Уэллс не создал положительного героя: его гении-одиночки жестоки, себялюбивы и равнодушны к людям. Герои Конан Дойла — мужественные учёные доктор Маракот и профессор Челленджер, целиком отдавшиеся науке и ради неё, ради познания тайн природы идущие на любой риск, а также их бесстрашные спутники, делящие с ними все опасности и лишения во время необычайных путешествий и научных экспериментов, несомненно, вызывают симпатии читателя. Герои Конан Дойла обаятельны, человечны, бескорыстны, смело смотрят в будущее. Даже когда они предполагают, что человечество погибло («В ядовитом поясе»), они думают о дальнейшем развитии жизни, о новой эволюции. «Люди такого закала, — говорит профессор Челленджер, — составляют когорту покорителей природы и хранителей истины!»

Таковы герои Конан Дойла, а что же сам автор? О, он вполне мог бы сказать о себе словами одного из своих персонажей: «Моему разностороннему характеру не чужда тяга ко всему причудливому и фантастическому». Писателя всегда привлекали не только малоизвестные, но и загадочные, порой сверхъестественные явления и способности человека. Неудивительно поэтому, что чуть ли не пятьдесят лет Конан Дойл посвятил изучению спиритизма — самого поразительного явления жизни — и многого в нём достиг. Увлечение Конан Дойла спиритизмом и оккультными науками занимает немалое место в его биографии. Правда, в ту эпоху многие крупные учёные интересовались спиритизмом и изучали его, но у Конан Дойла это увлечение было очень глубоким и длительным и отразилось на всём творчестве писателя во второй половине его жизни. Судить об этом читатель волен сегодня сам по книгам, статьям и письмам, которые мы уже издали на русском языке ранее¹. Загадка жизни и смерти, недоступные банально-рациональному восприя-

¹ *Конан Дойл А.* Уроки жизни. М.: Аграф, 2002.

Конан Дойл А. Онтологический детектив. М.: Столица, 2010.

Конан Дойл А. Загадка жизни и смерти. Размышления АКД о религии, спиритизме и бессмертии. М.: Айрис Пресс, 2004.

Конан Дойл А. Записки о спиритизме. М.: Наташа, 1995, и др.

тию тайны жизни и сознания — эти проблемы глубоко волновали Конан Дойла, как сегодня они волнуют и нас.

Курьёзно, что советские критики нередко называли романы (или, по крайней мере, повести) Конан Дойла «рассказами». Причина, по-видимому, кроется в том, что русскому читателю эти произведения были известны лишь в куцем, урезанном виде. К тому же качество переводов (за исключением перевода «Затерянного мира», выполненного Н. Волжиной) оказывалось весьма скверным, что, по сути дела, дискредитировало автора в глазах русского читателя, обладающего литературным вкусом.

Пару слов, быть может, стоит сказать о литературной судьбе Конан Дойла в России. Литературные критики и мэтры соцреализма его не любили. В чём причина?

Конан Дойл, в отличие от Уэллса, Бернарда Шоу, Роллана, Андре Жида и других западных писателей, никогда не строил себе иллюзий насчёт того, что творилось в Советской России. И этого ему здесь простить никак не могли. Творчество его замалчивалось, произведения третировались как незначительные и ничтожные. И всё это, невзирая на симпатии и любовь русских читателей. Чего только, например, стоит такой пассаж Корнея Чуковского в предисловии к подготовленному им сборнику «Записки о Шерлоке Холмсе»:

«Вообще, далеко не все произведения Конан Дойла могут вызвать сочувствие советских читателей. Поэтому из его рассказов о Шерлоке Холмсе мы даём в этой книге лишь те, что вошли в золотой фонд мировой литературы для детей».

Ну что можно на это сказать? «Большое спасибо за заботу, Корней Иванович!» Разумеется, писатель, когда он работает над книгой, не ставит перед собой такой задачи, чтобы его произведение непременно вошло в «золотой фонд литературы для детей», и уж тем более его не огорчит неместная оценка произведения со стороны тех взрослых читателей, чьи вкусы и умственные запросы не превышают детского уровня развития.

«Следует, однако, помнить, что автор „Маракотовой бездны“ был убеждённым сторонником современного ему буржуазного общества и творчество этого писателя далеко от решения острых социальных проблем». Это типичная фраза среди того, что было написано по поводу Конан Дойла рецензентами, заслуживающими анонимности и забвения. Их стараниями «Маракотова бездна» ни разу не издавалась по-русски в своём настоящем виде. Её последние главы цензоры, «верные делу Ленина и партии», *сочли не заслуживающими внимания советского читателя*. Переведя их, мы наконец издаём

роман целиком и исправляем это досадное для русского читателя упущение.

Сэр Артур Конан Дойл — титул, которым он гордился потому, что получил это рыцарское звание за литературные заслуги, — умер в 1930 году на семьдесят первом году жизни, оставив в наследство читателям семьдесят томов своих книг. Лучшие из них (а их не один десяток) дороги нам и сейчас и долго ещё будут радовать и волновать читателей всех возрастов во всех странах мира. Ценность научно-фантастических произведений Конан Дойла неоспорима.

Роман «Земля туманная» завершает цикл произведений оключениях профессора Челленджера и его друзей. Для Конан Дойла «Земля туманная» была не столько романом, сколько изложением его собственных парапсихологических опытов и опытов других. «Слава богу, — писал он своему издателю Гринхоу Смиту 22 февраля 1925 года, — эта книга закончена. Она была для меня так важна, что я боялся, что могу умереть прежде, чем она будет написана».

«Земля туманная», или «Страна туманов», с полным правом может считаться заключительным аккордом в творчестве великолепного английского беллетриста. В этом романе автору счастливым образом удалось совместить богатство своего литературного дарования с глубиной и красотой выстраданного им в течение жизни мировоззрения. Мировоззрением Конан Дойла — сегодня об этом можно говорить с желанной прямоотой — был спиритизм — философия, дающая новый и оригинальный взгляд на человека, его природу и его задачи в жизни. В стране «коммунистических идеалов» спиритизм был темой запретной, и русский читатель никак не мог познакомиться с важнейшим произведением английского классика. Теперь мы восполняем этот досадный пробел.

2016 г.

Павел Гелева

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ПРОФЕССОРА
ЧЕЛЛЕНДЖЕРА

ЗАТЕРЯННЫЙ МИР

Вот бесхитростный рассказ,
И пусть он позабавит вас —
Вас, юношей и ветеранов,
Кому стареть пока что рано.

Глава первая

ЧЕЛОВЕК — САМ ТВОРЕЦ СВОЕЙ СЛАВЫ

Мистер Хангертон, отец моей Глэдис, отличался невероятной бестактностью и был похож на распушившего перья неопрятного какаду, правда весьма добродушного, но занятого исключительно собственной особой. Если что-нибудь могло оттолкнуть меня от Глэдис, так только крайнее нежелание обзавестись глуповатым тестем. Я убеждён, что мои визиты в «Каштаны» три раза на неделе мистер Хангертон приписывал исключительно ценности своего общества и в особенности своих рассуждений о биметаллизме — вопросе, в котором он мнил себя крупным знатоком.

В тот вечер я больше часу выслушивал его монотонное чириканье о снижении стоимости серебра, обесценивании денег, падении рупии и о необходимости установления правильной денежной системы.

— Представьте себе, что вдруг потребуется немедленная и одновременная уплата всех долгов в мире! — воскликнул он слабеньким, но преисполненным ужаса голосом. — Что тогда будет при существующем порядке вещей?

Я, как и следовало ожидать, сказал, что в таком случае мне грозит разорение, но мистер Хангертон, недовольный моим ответом, вскочил с кресла, отчитал меня за моё всегдашнее легкомыслие, лишаящее его возможности обсуждать со мной серьёзные вопросы, и выбежал из комнаты переодеться к масонскому собранию.

Наконец-то я остался наедине с Глэдис! Минута, от которой зависела моя дальнейшая судьба, наступила. Весь этот вечер я чувствовал себя как солдат, ожидающий сигнала к атаке, когда

надежда на победу сменяется в его душе страхом перед поражением.

Глэдис сидела у окна, и её гордый тонкий профиль оттеняла малиновая штора. Как она была прекрасна! И в то же время как далека от меня! Мы с ней были друзьями, большими друзьями, но мне никак не удавалось увести её за пределы тех отношений, какие я мог поддерживать с любым из моих коллег-репортёров «Дейли газетт», — чисто товарищеских, добрых и не знающих разницы между полами. Мне претит, когда женщина держится со мной слишком свободно, слишком смело. Это не делает чести мужчине. Если возникает чувство, ему должна сопутствовать скромность, насторожённость — наследие тех суровых времён, когда любовь и жестокость часто шли рука об руку. Не дерзкий взгляд, а уклончивый, не бойкие ответы, а срывающийся голос, опущенная долу головка — вот истинные приметы страсти. Несмотря на свою молодость, я знал это, а может быть, такое знание досталось мне от моих далёких предков и стало тем, что мы называем инстинктом.

Глэдис была одарена всеми качествами, которые так привлекают нас в женщине. Некоторые считали её холодной и чёрствой, но мне такие мысли казались предательством. Нежная кожа, смуглая, почти как у восточных женщин, волосы цвета воронова крыла, глаза с поволокой, полные, но прекрасно очерченные губы — всё это говорило о страстной натуре. Однако я с грустью признавался себе, что до сих пор мне не удалось завоевать её любовь. Но будь что будет — довольно неизвестности! Сегодня вечером я добьюсь от неё ответа. Может быть, она откажет мне, но лучше быть отвергнутым поклонником, чем довольствоваться ролью скромного брата!

Вот какие мысли бродили у меня в голове, и я уже хотел было прервать затянувшееся неловкое молчание, как вдруг почувствовал на себе критический взгляд тёмных глаз и увидел, что Глэдис улыбается, укоризненно качая своей гордой головкой.

— Чувствую, Нэд, что вы собираетесь сделать мне предложение. Не надо. Пусть всё будет по-старому — так гораздо лучше.

Я придвинулся к ней поближе:

— Почему вы догадались? — Удивление моё было неподдельно.

— Как будто мы, женщины, не чувствуем этого заранее! Неужели вы думаете, что нас можно застигнуть врасплох? Ах, Нэд!

Мне было так хорошо и приятно с вами! Зачем же портить нашу дружбу? Вы совсем не цените, что вот мы — молодой мужчина и молодая женщина — можем так непринуждённо говорить друг с другом.

— Право, не знаю, Глэдис. Видите ли, в чём дело... столь же непринуждённо я мог бы беседовать... ну, скажем, с начальником железнодорожной станции. — Сам не понимаю, откуда он взялся, этот начальник, но факт остаётся фактом: это должностное лицо вдруг выросло перед нами и рассмешило нас обоих. — Нет, Глэдис, я жду гораздо большего. Я хочу обнять вас, хочу, чтобы ваша головка прижалась к моей груди. Глэдис, я хочу...

Увидев, что я собираюсь осуществить свои слова на деле, Глэдис быстро поднялась с кресла.

— Нэд, вы всё испортили! — сказала она. — Как бывает хорошо и просто до тех пор, пока не приходит это! Неужели вы не можете взять себя в руки?

— Но ведь не я первый это придумал! — взмолился я. — Такова человеческая природа. Такова любовь.

— Да, если любовь взаимна, тогда, вероятно, всё бывает по-другому. Но я никогда не испытывала этого чувства.

— Вы, с вашей красотой, с вашим сердцем! Глэдис, вы же созданы для любви! Вы должны полюбить...

— Тогда надо ждать, когда любовь придёт сама.

— Но почему вы не любите меня, Глэдис? Что вам мешает — моя наружность или что-нибудь другое?

И тут Глэдис немного смягчилась. Она протянула руку — сколько грации и снисхождения было в этом жесте! — и отвела назад мою голову. Потом с грустной улыбкой посмотрела мне в лицо.

— Нет, дело не в этом, — сказала она. — Вы мальчик не тщеславный, и я смело могу признаться, что дело не в этом. Всё гораздо серьёзнее, чем вы думаете.

— Мой характер?

Она сурово наклонила голову.

— Я исправлюсь, скажите только, что вам нужно. Садитесь, и давайте всё обсудим. Ну не буду, не буду, только сядьте!

Глэдис взглянула на меня, словно сомневаясь в искренности моих слов, но мне её сомнение было дороже полного доверия. Как примитивно и глупо выглядит всё это на бумаге! Впрочем, может, мне только так кажется? Как бы там ни было, но Глэдис села в кресло.

— Теперь скажите, чем вы недовольны?

— Я люблю другого.

Настал мой черёд вскочить с места.

— Не пугайтесь, я говорю о своём идеале, — пояснила Глэдис, со смехом глядя на моё изменившееся лицо. — В жизни мне такой человек ещё не попадался.

— Расскажите же, какой он! Как он выглядит?

— Он, может быть, очень похож на вас.

— Какая вы добрая! Тогда чего же мне не хватает? Достаточно одного вашего слова! Что он — трезвенник, вегетарианец, аэронавт, теософ, сверхчеловек? Я согласен на всё, Глэдис, только скажите мне, что вам нужно!

Такая податливость рассмешила её.

— Прежде всего, вряд ли мой идеал стал бы так говорить. Он натура гораздо более твёрдая, суровая и не захочет с такой готовностью приспособливаться к глупым женским капризам. Но что самое важное, он — человек действия, человек, который без-

боязненно взглянет смерти в глаза, человек великих дел, богатый опытом, и необычным опытом. Я полюблю не его самого, но его славу, потому что ответ её падёт и на меня. Вспомните Ричарда Бёртона¹. Когда я прочла биографию этого человека, написанную его женой, мне стало понятно, за что она любила его. А леди Стенли? Вы помните замечательную последнюю главу из её книги о муже? Вот перед какими мужчинами должна преклоняться женщина! Вот любовь, которая не умаляет, а возвеличивает, потому что весь мир будет чтить такую женщину как вдохновительницу великих деяний!

Глэдис была так прекрасна в эту минуту, что я чуть было не нарушил возвышенный тон нашей беседы, однако вовремя сдержал себя и продолжал спор.

— Не всем же быть Бёртонами и Стенли², — сказал я. — Да и возможности такой не представляется. Мне, во всяком случае, не представилось, а я бы ею воспользовался!

— Нет, такие случаи представляются на каждом шагу. В том-то и сущность моего идеала, что он сам идёт навстречу подвигу. Его не остановят никакие препятствия. Я ещё не нашла такого героя, но вижу его как живого. Да, человек сам творец своей славы. Мужчины должны совершать подвиги, а женщины — награждать героев любовью. Вспомните того молодого француза, который несколько дней назад поднялся на воздушном шаре. В то утро бушевал ураган, но подъём был объявлен заранее, и он ни за что не захотел его откладывать. За сутки воздушный шар отнесло на полторы тысячи миль, куда-то в самый центр России, где этот смельчак и опустился. Вот о таком человеке я и говорю. Подумайте о женщине, которая его любит. Какую, наверное, она возбуждает зависть у других! Пусть мне тоже завидуют, что у меня муж — герой!

— Ради вас я сделал бы то же самое!

— Только ради меня? Нет, это не годится! Вы должны пойти на подвиг потому, что иначе не можете, потому, что такова ваша

¹ *Ричард Бёртон* (1821–1890) — английский путешественник, совершивший ряд экспедиций в Аравию, Африку и Южную Америку и описавший их в своих книгах. Ему принадлежит открытие озера Танганьика в Африке.

² *Генри Стенли* (1841–1904) — известный американский путешественник, отыскавший пропавшую без вести экспедицию Давида Ливингстона (1813–1873) — выдающегося английского исследователя Африки. Некоторые из книг Стенли, как и книг Ливингстона, переведены на русский язык.

Дойл А. К.

Д 62 Маракотова бездна : романы, рассказы / Артур Конан Дойл ; пер. с англ. В. Бернацкой, Н. Волжиной, П. Гелевы и др. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 864 с. : ил. — (Мир приключений. Большие книги).

ISBN 978-5-389-30508-3

Крупнейший английский писатель, публицист, доктор медицины и доктор права сэр Артур Конан Дойл известен всему миру как непревзойденный мастер детективного и приключенческого жанров. Многие герои, рожденные его пером, обрели поистине грандиозную известность по всей планете: это и сыщик Шерлок Холмс со своим верным спутником доктором Ватсоном, это и неутомимый герой Наполеоновских войн бригадир Жерар, и английский рыцарь сэр Найджел Лоринг.

В настоящее издание вошли фантастические произведения Дойла: цикл об удивительных приключениях профессора Челленджера, а также романы «Открытие Рафлза Хоу» и «Маракотова бездна», каждый из которых является несомненным шедевром. Тексты сопровождаются оригинальными иллюстрациями американских и английских художников.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

АРТУР КОНАН ДОЙЛ
МАРАКОТОВА БЕЗДНА

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Мария Антипова
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова
Корректор Светлана Федорова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 13.11.2025.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Усл. печ. л. 52,92. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-MPB-39679-01-R